

Визит Золтана Мадьяры в СССР в 1935 г.: из истории международных научных связей

Статья посвящена малоизвестному эпизоду из истории международных научных связей 1930-х гг. – визиту в СССР в 1935 г. Золтана Мадьяры, одного из известных венгерских юристов, его контактам с директором Института советского строительства и права Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР (Комакадемии) В. С. Ундревичем. В статье использованы материалы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), где сохранилась запись беседы В. С. Ундревича с З. Мадьяры в октябре 1935 г., представляющая определенный интерес для специалистов, изучающих международные научные контакты, а также становление и развитие советского права. Материалы встречи советского и венгерского профессоров расширяют представление о 1930-х гг., когда существовали возможности диалога и сотрудничества ученых разных школ.

Ключевые слова: международные научные связи; 1930-е годы; Золтан Мадьяры; иностранцы в СССР; Институт советского строительства и права; Ленинградское отделение Коммунистической академии; Комакадемия; В. С. Ундревич; Всесоюзное общество культурной связи с заграницей; ВООКС

Maria Krotova

Visit of Zoltan Magyary to USSR in 1935: From the History of International Scientific Relations

The article is devoted to a little-known episode in the history of international scientific relations of the 1930s – the visit to the USSR in 1935 of Zoltan Magyary, one of the famous Hungarian lawyers, and his contacts with V. S. Un-

drevich, the Director of the Institute of Soviet construction and law of the Leningrad branch of the Communist Academy (Comacademy). The article uses materials from the Central state archive of literature and art of Saint Petersburg (TsGALI SPb), where there is a recording of the conversation between V. S. Undrevich and Z. Magyary in October 1935, which is of particular interest to specialists who study international scientific contacts, as well as the formation and development of Soviet law. The materials of the meeting of Soviet and Hungarian professors expand the idea of the period of the 1930s, when there were opportunities for dialogues and collaboration of the different schools' scientists.

Keywords: international scientific relations; 1930s; Zoltan Magyary; foreigners in USSR; Institute of Soviet construction and law; Leningrad branch of Communist Academy (Comakademiya); V. S. Undrevich; All-Union Society of Cultural Relations with Foreign Countries; VOKS

В широком общественном сознании СССР, особенно 1930-х гг., представляется изоляционистской страной, закрытой для международных контактов. Однако надо признать, что при всех режимах научные связи между российскими и зарубежными учеными сохранялись и существовало единое пространство обмена информацией. Примером тому может служить обширная переписка крупных советских ученых со своими коллегами в разных странах в межвоенный период, совместные исследования [19, с. 122–125], обмен книгами [16, с. 29–30], участие в международных конференциях и выставках [6, с. 134–136], публикации в иностранных журналах [7], получение стипендий от различных зарубежных фондов, в том числе от Рокфеллеровского фонда [12]. Таким контактам была найдена формула «взаимного обогащения народов в области культуры» как продолжение ленинской политики «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» [16, с. 6, 23].

Однако возможности личных встреч и контактов с иностранными коллегами в 1930-е гг. значительно сузились. Это было связано с практикой ограничения разрешений как выезда за границу, так и въезда иностранных ученых в СССР с середины 1920-х гг., которые были взяты под контроль партийными органами и советскими спецслужбами, в частности Иностранным отделом Объединенного

государственного политического управления (ИНО ОГПУ). В письме заведующего Отделом научных учреждений при Совнаркоме СССР академику С. Ф. Ольденбургу 18 июня 1929 г. сообщалось, что все вопросы участия научных учреждений СССР в международных съездах и конференциях будут разрешаться на уровне Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) [14, с. 345–348]. 7 мая 1934 г. было принято постановление Политбюро Центрального комитета Коммунистической партии Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ЦК ВКП(б)) «О командировках за границу», согласно которому нельзя было выехать за границу без санкции специальной комиссии ЦК (в нее входили Жданов, Межлаук, Ежов, Агранов и Поскребышев), оценивающей не только политическую благонадежность кандидата на поездку, но и «деловую целесообразность» командировки [2, л. 10].

Тем не менее практические и внешнеполитические интересы брали верх. С одной стороны, СССР нуждался в новых технологиях и зарубежном опыте. С другой – достижения советской науки пропагандировались за рубежом, формируя образ передовой страны, не боявшейся экспериментов. Приглашение иностранных ученых в СССР использовалось в дипломатических целях для поднятия престижа Советского Союза в глазах мировой общественности и создания соответствующего позитивного образа первого советского государства [10; 11; 13]. Приемом иностранцев, книгообменом и прочими контактами занималось ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, созданное в 1925 г. с целью «культурного сближения» с иностранными государствами, установления и развития научных и культурных связей. ВОКС старалось привлечь в СССР крупных деятелей западной культуры и науки для демонстрации достижений социалистического строительства. По линии ВОКС в СССР побывали самые разные иностранцы, в том числе и ученые, которых интересовали в основном не туристические места, а общение с коллегами, посещение соответствующих научных заведений. При ВОКС существовал научно-технический сектор, который опирался на помощь советских ученых и объединял транспортную, медицинскую, этнографическую, химическую,

юридическую секции и комиссию по высшей школе. Сектор занимался пропагандой достижений советской науки, изданием указателей и бюллетеней научной литературы, направлением советских ученых в зарубежные командировки и приглашением иностранных специалистов в СССР.

Тридцатые годы XX в. стали переломными для нашей страны, когда кардинальные перемены происходили не только в политическом и экономическом секторах, но и в других сферах, в том числе и в науке. В 1920-х гг. в СССР еще сохранялись основы старых научных школ, университеты хоть и претерпели значительные изменения, но ученые сохраняли определенную автономию. «Великий перелом» 1929 г. потребовал перестройки советской науки, в том числе и юридической, так как переход от «революционной целесообразности» первых лет советской власти к «социалистической законности» требовал разработки нового права. Назначение советской юридической науки состояло в исследовании «объективных закономерностей развития социалистической государственно-правовой надстройки», разработке «методов совершенствования всех институтов советской политической системы, социалистической демократии, права и законности» [18, с. 4–5].

За советскую передовую науку отвечала новая организация – Коммунистическая академия при ЦИК СССР (Комакадемия), призванная разрабатывать теоретические проблемы социализма и коммунизма, а также социалистического строительства на основе идей марксизма-ленинизма. Комакадемия существовала с 1918 г. под разными названиями (с 1918 г. – Социалистическая академия общественных наук, с 1919 г. – Социалистическая, с 1924 г. – Коммунистическая академия) до ликвидации в 1936 г., когда ее институты были переданы в Академию наук СССР [6, с. 216–220]. Комакадемия включала в себя несколько научных институтов, в том числе Институт советского строительства и права, выпускавший с 1927 г. журнал «Революция права». Директором этого института с 1931 г. был юрист Е. Б. Пашуканис (1891–1937). Формирование советской юриспруденции за рубежом вызывало такой интерес,

что летом 1932 г. даже обсуждался вопрос о создании в Берлине Института изучения советского права [19, с. 7].

Ленинградское отделение Комакадемии (ЛО КА) возникло на базе Ленинградского института марксизма в декабре 1929 г. Институт советского строительства и права ЛО КА был основан в 1930 г. Он размещался в здании Новомихайловского дворца на Дворцовой набережной (в то время набережная Девятого января, д. 18). Новое научное учреждение призвано было, в противовес старой Академии наук, провести «окоммунизирование» фундаментальной науки и ее преподавания, разработать юридическую теорию на основе методологии марксизма-ленинизма. Одновременно в Ленинграде в 1930 г. на базе факультета советского права Ленинградского государственного университета, существовавшего с 1925 г., был образован Институт советского строительства и права Наркомата юстиции РСФСР, который сменил несколько названий. В 1931–1935 гг. Институт советского строительства и права стал Институтом советского права, в 1935–1936 гг. это был Правовой институт, в 1937–1939 гг. Юридический институт, с 1940 по 1954 г. – 1-й юридический институт. Он находился в основном здании Ленинградского университета – знаменитом здании 12 коллегий. Позже институт был объединен с юридическим факультетом ЛГУ. Директором как научного, так и учебного Института советского права (совправа) стал приглашенный в 1930 г. из Саратова профессор, доктор правоведения В. С. Ундревич¹. Считалось, что юридический факультет ЛГУ «засорен» буржуазной профессурой, поэтому у основания Института совправа в Ленинграде были так называемые красные профессора, члены ВКП(б). Факультет подвергся чистке, все старые ученые-юристы – Я. М. Магазинер, А. А. Жижиленко, П. И. Люблинский и др. были объявлены «вредителями». Учебные программы ЛО Комакадемии перерабатывались на основе «революционно-марксистского анализа» и классового подхода [20]. Надо заметить, что профессора В. С. Ундревич и И. В. Славин, приглашенные в новое научное учреждение, были сложившимися юристами, получившими юридическое образование еще до революции². Остальные работники

института – М. Д. Резунов (1905–1937), А. И. Сорокин (1907–1937), М. З. Эскин (1899–1937), И. П. Гришенков (1901–1937) и другие – были из «выдвиженцев» и вполне соответствовали процессу «пролетаризации» научных кадров.

В. С. Ундревич, директор Института советского строительства и права ЛО КА с 1930 по 1936 г., считался «визитной карточкой» института: с одной стороны, это был представитель «старой» юридической школы, с другой – юрист новой формации, освоивший марксистско-ленинскую методологию науки. Он был членом Ленсовета, автором многих трудов, в том числе учебника для юридических факультетов вузов – «Курс уголовного процесса» в соавторстве с А. Я. Вышинским [9]. В 1935 г. он совместно с М. Каревой выпустил монографию «Пролетарская революция и государственный аппарат в 1917–1918 гг.», посвященную анализу истории создания Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК), которая не потеряла своей научной ценности [21, с. 155]. И. И. Славина, дочь проф. И. В. Славина, запомнила Ундревича как «респектабельного, барски-снисходительного рафинированного интеллигента»: «Всегда был одет „с иголки“, да еще и „тройку“ не стеснялся носить, хотя жилеты в те годы были признаком „буржуазности“. Вообще он казался холемым, по-барски вальяжным» [17, с. 204]. Он был страстным коллекционером, увлекался экслибрисами, подарил в июле 1935 г. Ленинградскому обществу коллекционеров 798 экземпляров различных знаков XVIII–XIX вв., в том числе очень редких: графа Аракчеева, князя Белосельского, Бибикова, Н. С. Всеволожского, князя Н. В. Ггарина, князя С. М. Голицына, графини Клейнмихель, герцога Лейхтенбергского, князя Мещерского, Сергея Салтыкова, Михалковых и др. [1, л. 1–2].

В. С. Ундревич был в числе утвержденных ВОКС «советских работников» Ленинграда, которые при посещении «объектов» для показа иностранцам должны были принимать их и беседовать, с обязательными подробными отчетами о встрече [3, л. 6]. Такие же отчеты составляли работавшие с приезжавшими

иностранцами переводчики ВОКС или Интуриста. Среди других советских «научных работников», встречавшихся с иностранцами, были известные представители академических кругов Ленинграда, в том числе знаменитые на весь мир ученые – академики А. Н. Самойлович, А. Ф. Иоффе, Н. И. и С. И. Вавиловы, Л. А. и И. А. Орбели, Н. С. Державин; профессора Р. Л. Самойлович, Д. И. Мушкетов и другие [5, л. 35–38].

Среди приезжавших в СССР иностранцев было немало юристов, которые стремились познакомиться с теоретическими работками советских правоведов и своими глазами увидеть особенности социалистической законности. Их интересовали основы советского законодательства, реформы уголовного права, вопросы собственности в СССР, надзор за подростковой преступностью, работа советских судов (многие иностранцы выражали настойчивое желание попасть на заседание суда), советские Дома заключенных (Домзаки) и концлагеря. Так, в апреле 1935 г. Москву и Ленинград посетил профессор Мануэль Жаспар – адвокат из Брюсселя. Одним из обязательных пунктов его программы в Ленинграде было посещение Комакадемии, где профессор В. С. Ундревич рассказал ему о «выборах, советской конституции, товарищеских, народных, областных и верховных судах в СССР и о последнем постановлении, по которому несовершеннолетние отвечают по закону так же, как и взрослые» [4, л. 23].

В августе 1935 г. в Москве и Ленинграде был с визитом профессор философии права Базельского университета Артур Баумгартен, который 22 августа 1935 г. побывал на заседании Народного суда в Москве, где прослушал дело о растрате 5 тысяч рублей заведующим кооперативом и его помощником. Со слов переводчицы Гиляревской, сопровождавшей профессора, Баумгартен много рассказывал о «тех слухах, которые распространяются за границей о терроре в наших судебных учреждениях, и о методах запугивания и грубости, которые применяются у нас в судах и следственных органах», после чего был поражен «той гуманностью, с какой ведется судопроизводство (он даже не ожидал, что у нас выступают в судах защитники), а также его поразила простота, которая чувствова-

лась в зале заседаний, так, например, он обратил внимание на тот факт, что людям, находящимся под стражей, позволили в перерывах курить и к одному из заключенных свободно подошел ребенок, взобрался к нему на колени и стал с ним болтать». Баумгартен отметил, что «такой простоты нельзя увидеть ни в одном суде за границей» [4, л. 58].

Приехав из Москвы в Ленинград, 23 сентября 1935 г. Баумгартен встретился с Ундревичем в Комакадемии. В отчете Ундревич заметил, что Баумгартена «в связи с измышлениями в буржуазной печати» интересовали следующие вопросы: состояние и «характер борьбы» с несовершеннолетними правонарушителями, методах и органах борьбы с ними, порядке уголовной ответственности и т.п.; режим концентрационных лагерей; а также судьба кадров старой профессуры, поскольку «в буржуазной печати сообщалось, что они все отстранены от работы и даже арестованы» [4, л. 68]. Из беседы с швейцарским профессором Ундревич сделал вывод, что до поездки в СССР у Баумгартена было превратное представление о советской юридической системе, так как он «был информирован наиболее клеветнической и злостной буржуазной прессой... поэтому многое для него опрокидывает те представления, с которыми он ехал сюда» [4, л. 68].

В сентябре 1935 г. Москву и Ленинград посетил профессор Золтан Мадьяры (Magyary Zoltán, 1888–1945) – известный венгерский юрист, директор венгерского Института государственного управления, специалист по международному административному праву. В 1933 г. он выступал с докладом на 5-м международном конгрессе по административному праву (конгресс административистов)³ в Вене и был выбран главным докладчиком на очередном международном конгрессе административистов в Варшаве в 1936 г. с темой «Глава исполнительной власти и вспомогательного аппарата» [4, л. 72]. В 1935 г. он совершил большое путешествие для сбора материалов для доклада и своей монографии, посетив Германию, Италию, США, Советскую Россию. В СССР он прибыл с женой Маргит Течерт (Techert Margit, 1900–1945), специалистом по истории греческой философии.

В Москве Мадьяры провел почти месяц, изучая вопросы организации Народного комиссариата тяжелой промышленности (Наркомтяжпрома). Его интересовали вопросы законодательного оформления управления промышленностью, построенного на принципе «огосударствления» (по его терминологии) промышленности, правовые взаимоотношения наркомата и заводов. В частности, он стремился выяснить, «как конструируется у нас правосубъектность, каково юридическое положение треста и завода как субъекта права, каково правовое различие между частной, кооперативной и государственной собственностью и т.д.» [4, л. 70]. Он хотел встретиться с наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе или его заместителем М. М. Кагановичем, но это ему не удалось, как, впрочем, не состоялась беседа с первым прокурором СССР, в то время секретарем ЦИК СССР И. А. Акуловым, отмененная «под благовидным предлогом». Мадьяры это задело, так как, по его словам, во всех странах ему шли навстречу: так, например, в Германии он беседовал с председателем Рейхсбанка Ялмаром Шахтом.

Мадьяры был раздражен тем, что в течение месячного пребывания в Москве ему не удалось получить необходимых ему конкретных законодательных и вообще правовых (как ведомственных, так и литературных) материалов по интересующим его вопросам. Так, в Центральном управлении народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР ему обещали дать все необходимые материалы, но Мадьяры ничего не получил, за исключением пяти «мало нужных ему таблиц». В Наркомтяжпроме его свели с иностранным отделом, который, по словам Мадьяры, вообще ничего не знает и не понимает в вопросах правовой организации нашей промышленности. Не удовлетворили его беседы в Институте советского строительства и права Комакадемии. В противовес этому он сообщил, что в других странах он получил все необходимые ему для доклада на международном конгрессе материалы. Сам Мадьяры объяснял этот факт тем, что, очевидно, его принимали за журналиста, «с которым беседуют „один раз“ и больше не встречаются, тогда как он „ученый-исследователь“, нуждающийся-

ся в конкретном материале» [4, л. 70]. По словам переводчицы, приставленной к венгерскому профессору, у Мадьяры создалось впечатление, что «законы в Советском Союзе меняются каждый месяц, что нет никаких учебников в области юриспруденции». Он говорил о массе «затруднений в его работе из-за нежелания предоставить ему документов для занятий», жаловался на бюрократизм – «получить где-нибудь книгу вызывает столько разговоров, столько совещаний и в конце концов никакого толку, везде ответ „нет“» [4, л. 67]. Мадьяры был удивлен тем, что во многих местах, которые он посетил в Москве, не знали, на основании каких законов они управляются или работают, так что он решил, что либо в стране не все в порядке с законностью и правовым оформлением хозяйственной деятельности, либо от него что-то скрывают и, по непонятным для него причинам, не хотят ему дать [4, л. 70].

В начале октября 1935 г. Мадьяры с женой отправились в Ленинград на несколько дней. Надо сказать, что на всех приезжавших в СССР иностранцев ВОКС заводил специальные формуляры, где указывались основные данные: профессия, место жительства, дата прибытия, где остановился, куда и когда выехал, точная программа и т.п. Из наблюдений и бесед составлялось особое мнение и оценка «политического лица» иностранца: «наш», «друг СССР», «сочувствующий», «отнестись с осторожностью», «враг». З. Мадьяры считался «врагом», так как совсем не восторгался увиденным в СССР, требовал дополнительной информации, критически относился к советской действительности. К тому же он хотел общаться напрямую, без переводчика, часто уходил гулять по городу один, имея большую сумму русских денег и «прекрасно зная курс черной биржи». За ним, естественно, велось наблюдение: заместитель уполномоченного Ленинградского отделения ВОКС А. В. Вильм писала в письме заведующей II Западным отделом ВОКС Г. Фройнд 3 октября 1935 г. о том, что Мадьяры «не теряют из вида» [4, л. 66–67].

В Ленинграде Мадьяры встретился в Комакадемии с проф. В. С. Ундревичем 2 и 3 октября 1935 г.⁴ и отметил, что только

в Ленинграде встретил действительно внимательное отношение к своей работе по сравнению с Москвой. Свое мнение о беседе В. С. Ундревич изложил подробно для Ленинградского отделения ВОКС 3 октября 1935 г., в котором сквозит уважение к «врагу»: «Мадьяры, в отличие от ряда беседовавших со мною юристов, безусловно, является научным работником. Несомненно также, что он приехал не с туристической целью, а для изучения интересующих его вопросов организации центрального управления. Это не исключает, конечно, того, что он в своей поездке может преследовать и другие цели, соответственно своим политическим взглядам. В разговоре он чрезвычайно сдержан, в отличие от обычных туристов, не высказывает своих „восхищений“ или „удивлений“, а всю беседу концентрирует на интересующих его вопросах административного права. О нашем же строительстве и работе вообще он почти не говорит» [4, л. 72].

Интересно, что ученые общались без переводчика, очевидно, на немецком языке, чем Мадьяры был очень доволен. Надо отметить, что при всей полярности позиций и мировоззрений два юриста прекрасно понимали друг друга. Кроме организации хозяйственного управления, Мадьяры хотел узнать, как построена в СССР система административного права в науке и преподавании, как материалы этого права распределены между государственным и хозяйственным правом и т.п. Отдельно его интересовала система построения курса хозяйственного права как права социалистической собственности (по его терминологии – «социализированной»).

Другие вопросы были о планировании и организации управления. По словам В. С. Ундревича, Мадьяры чрезвычайно интересовало, как можно управлять производством в такой огромной стране, как СССР, и хотел сравнить эти процессы с попытками «регулирования» в США и Германии. По его мнению, демократический строй был «не способен регулировать хозяйство» (Ундревич назвал это «специфически фашистской точкой зрения»), так что только авторитарное государство могло эффективно управлять производством. По мнению Мадьяры, процессы управления

аполитичны, не зависят от политических режимов, так что СССР смело мог бы заимствовать приемы и методы из административной практики капиталистических стран. Так как Мадьяры нужны были конкретные законодательные материалы по вопросам хозяйственного управления в СССР, Ундревич передал ему два тома кодифицированного сборника по хозяйственному законодательству, изданных Комакадемией [8].

4 октября 1935 г. В. С. Ундревич отправил письмо А. Я. Аро-севу, председателю ВОКС, в котором указывал на недочеты «при-ема» Мадьяры в Москве: «Несомненно, что такое впечатление, сложившееся у Мадьяры, для нас невыгодно. Если он враг (в этом вряд ли можно сомневаться) – это для него лишний повод для клеветнической спекуляции, что у нас либо нет законности в нашем хозяйстве, либо мы „боимся“ показать наши законы и нашу литературу. Его доклад на международном конгрессе, независимо от удельного веса правовых вопросов, представляет для нас некое значение, поскольку он будет там говорить о хозяйственном регулировании в США, Германии и у нас. Если же он субъективно добросовестный научный работник, хотя бы и ничего не понимающий в социальном содержании нашего управления, то отсутствием снабжения его нашими материалами – мы толкаем его к белогвардейцам – эмигрантам из царских профессоров, которые постараются „осветить“ ему наше хозяйственное управление так, как это делают разные Тимашевы, Нольде, Зайцевы и Миркины-Гецевичи⁵. Мне кажется, что это небезразличный для нас вопрос. Если же, наконец, мы ему действительно не хотим давать материалов, учитывая его политические настроения – целесообразнее было бы, чтобы его поездка в Москву вообще не состоялась. Но этот последний вариант мне кажется наименее вероятным, т. к. в конце концов, он может что угодно „надумать“ о нашем хозяйственном управлении, однако, он предпочел приехать на место и попытаться изучить конкретные материалы. Скорее всего, что здесь было простое невнимание, дающее ненужный политический резонанс, когда товарищи действительно собирались дать Мадьяры интересующие его официальные, отнюдь не секретные,

материалы, но не проверили исполнения своих поручений, а аппарат „забыл“ это сделать. Пишу Вам потому, что, хотя сейчас и поздно исправить эту ошибку, если это была действительно ошибка – но это может быть опытом для будущих посещений СССР аналогичными людьми» [4, л. 70–71].

Опираясь на материалы, собранные во время поездки в СССР, Мадьяры выступил докладчиком на 6-м конгрессе в Варшаве в июле 1936 г. Документы и впечатления о поездке в СССР были изданы в 2014 г. А. Бабусом [22]. Судьба Мадьяры была драматичной. С началом Второй мировой войны Мадьяры с женой уехали из Будапешта. 24 марта 1945 г. при наступлении советских войск они вместе решили покончить жизнь самоубийством. Однако имя Мадьяры хорошо известно в Венгрии. Он назван в числе венгров, которые «обогатили человеческую культуру». Золтан Мадьяры считается основателем венгерской «научной политики», человеком, который совместно с графом Куно фон Клебельсбергом, известным политиком, министром внутренних дел и министром культуры Венгрии, реорганизовал научную деятельность, высшее образование и международные отношения в стране после Первой мировой войны⁶. Судьбы советских юристов – В. С. Ундревича, И. В. Славина, сотрудников Института советского права и др. – также были трагичны. Все они стали жертвами Большого террора в 1937 г. [15].

Эпизод встречи советского и венгерского юристов может представлять интерес не только как иллюстрация трудной и извилистой истории становления советской юриспруденции. Он расширяет представление о периоде 1930-х гг., когда сохранялась взаимная заинтересованность, существовали возможности диалога и сотрудничества ученых разных школ независимо от состояния дипломатических отношений и специфики советской внешней политики. К концу 1930-х гг. победила тенденция к замораживанию контактов ученых разных стран, научной и культурной изоляции СССР, утверждению превосходства советской юридической науки над «буржуазной», что привело к превратным представлениям о законности, расхождению между теорией права, его «высокогуманным» содержанием и практикой его применения. Однако междуна-

родные связи и научное сотрудничество с учеными других стран продолжались, пусть и в усеченной форме, и стали важной частью культурной дипломатии СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Вацлав Станиславович Ундревич** (1895–1937) окончил Казанский университет в 1917 г., был специалистом в области теории права и государства. Член РКП(б) с 1919 г. После революции служил в трибунале и прокуратуре г. Саратова (помощником прокурора). В 1925 г. состоял преподавателем, заведующим кафедрой права Саратовского областного коммунистического университета. С 1927 г. – доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, в 1928–1930 гг. – профессор факультета права и местного хозяйства Саратовского государственного университета.

² **Илья Венедиктович Славин** (1883–1938) – заведующий кафедрой судебного права. Окончил юридический факультет Киевского университета в 1911 г., в Комакадемии он разрабатывал тему «Исправительно-трудовая политика в эпоху социализма» на материалах «перековки» заключенных Беломорско-Балтийского канала [13].

³ Первый международный конгресс по административному праву прошел во время Всемирной выставки в 1910 г. в Брюсселе, на нем присутствовали представители от 22 стран. Второй конгресс планировалось провести в Испании в 1915 г., но из-за Первой мировой войны он прошел в 1923 г. в Брюсселе, третий конгресс состоялся в Париже в 1927 г., четвертый в 1930 г. в Брюсселе. В 1931 г. был основан Международный институт административных наук (*International Institute of Administrative Sciences*) со столицей в Брюсселе.

⁴ На встрече 3 октября 1935 г. присутствовал Борис Моисеевич Рубинштейн (1902–1938) – юрист, работавший в Ленинградском институте советского строительства и права. В 1935 г. он издал книгу «Советское хозяйственное право».

⁵ Имеются в виду русские эмигранты – профессора, юристы: **Тимашев Николай Сергеевич** (1886–1970) – русский юрист, социолог, эмигрант с 1921 г., жил в Германии, Чехии, Франции, США, один из создателей «социологии права»; **Нольде Борис Эммануилович** (1876–1948) – русский юрист, специалист в области международного права, историк, эмигрант с 1919 г., жил во Франции; **Зайцев Кирилл Иосифович** (впоследствии архимандрит Константин) (1887–1975) – экономист, юрист, богослов, эмигрант

с 1920 г., жил в Чехословакии, Франции, Китае, США; **Миркин-Гецевич Борис Сергеевич** (1892–1955) – юрист, специалист по международному праву, эмигрант с 1920 г., жил во Франции и США.

⁶ Данные Министерства иностранных дел Венгрии [23].

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

1. ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 76. Д. 131. Письмо М. Н. Куфаева В. С. Ундревичу 2 октября 1935 г.

2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 945. Протокол Политбюро ЦК ВКП(б) № 7 от 26 мая 1934 г.

3. ЦГАЛИ СПб (Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Переписка с ВОКС. 1934 г.

4. ЦГАЛИ СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Отчеты о пребывании иностранных делегаций и туристов в Советском Союзе, стенограммы бесед с ними. 1935 г.

5. ЦГАЛИ СПб. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Отчеты, копии бесед по обслуживанию иностранцев. 1936 г.

6. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) : 1922–1952 / сост. В. Д. Есаков. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

7. *Александров Д. А.* Почему советские ученые перестали печататься за рубежом. Становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 3–24.

8. Вопросы советского хозяйственного права / Коммунистическая академия. Институт советского строительства и права. Секция хозяйственного права ; под ред. Л. Гинцбурга и И. Суворова. М. : Советское законодательство, 1933.

9. *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. Т. I. / А. Я. Вышинский, В. С. Ундревич. 2-е изд. М. : Советское законодательство, 1936.

10. *Голубев А. В.* «...Взгляд на землю обетованную» : из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М. : Ин-т российской истории РАН, 2004.

11. *Дэвис-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 гг. М. : Новое литературное обозрение, 2015.

12. *Жидкова А. А.* Из истории международного научного сотрудничества: стипендиаты зарубежных фондов, ставшие членами АН СССР // Российская академия наук: 275 лет служения России. М. : Янус-К, 1999. С. 347–368.
13. *Куликова Г. Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х гг. глазами западных интеллектуалов : очерки документированной истории. М. : Ин-т российской истории РАН, 2013.
14. Международные научные связи Академии наук СССР. 1917–1941. М. : Наука, 1992.
15. Расстрельные списки: Москва, 1937–1953. Донское кладбище: Книга памяти жертв политических репрессий М. : О-во «Мемориал» : Звенья, 2005.
16. *Романовский С. К.* Международные культурные и научные связи СССР. М. : Междунар. отношения, 1966.
17. *Славина И. И.* Тоненький нерв истории. [Б. м. : б. и.], 2006.
18. Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. М. : Наука, 1978.
19. Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб. : Наука, 2001.
20. *Ундревич В. С.* Программа курса уголовного судоустройства и судопроизводства. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1930.
21. *Ундревич В. С., Карева М. П.* Пролетарская революция и государственный аппарат : (Очерки истории борьбы за госаппарат в 1917–1918 гг.). М. : Власть Советов, 1935. 143 с.
22. *Babus A.* Egy konzervatív úr a baloldali zárandokok között Magyary Zoltán szovjetunióbeli útja (Путешествие Мадьяры Золтана в Советский Союз: Консерватор среди «левых» паломников). Budapest, 2014.
23. Hungarian Contribution to Universal Science. World-famous creations, Hungarian-origin creators // Hungarians history. URL: <http://www.hunmagyary.org/tor/hcontrib.htm> (дата обращения: 05.05.2020).